

УДК 343.131.8

**ФЕНОМЕН ЛЖИ В ОТНОШЕНИЯХ, УРЕГУЛИРОВАННЫХ
НОРМАМИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
И УГОЛОВНОГО ПРАВА**

А. И. Анучина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 апреля 2015 г.

Аннотация: рассматриваются понятие и формы лжи, встречающиеся в уголовно-процессуальных отношениях. Дан исторический анализ формирования юридической ответственности за ложь. Проанализированы нормы уголовного процесса, регулирующие отношения, в которых содержится ложь. Приводятся рекомендации по внесению изменений в действующее законодательство. Дана классификация статей Уголовного кодекса по очевидности наличия лжи в отношениях, которые они защищают.

Ключевые слова: ложь, обман, уголовно-процессуальные отношения, присяга, правда, истина, показания, заведомо ложные сведения (донос).

Abstract: in the article the concept and form of lies, occurring in criminal ways. Given the historical analysis of the formation of legal liability for false. Review rules of criminal procedure governing the relations that contain false. Provides recommendation for amendments to existing legislation. In addition, the classification of articles of the Criminal Code on availability of evidence lies in relationship that protect.

Key words: lying, cheating, criminal-procedural relationship, the oath, the truth, truth, evidence, false information (denunciation).

Ложь как явление, сопровождающее человечество на протяжении всей истории его существования, – предмет изучения, прежде всего таких наук, как философия, психология, логика. Используя присущий каждой науке определенный метод познания, изучается социально-философская природа лжи и ее воздействие на человеческую деятельность.

Философский словарь дает следующее понятие лжи. Ложь – одно из истинностных значений высказываний (концепций), означающего фиксацию отсутствия тождества (вплоть до полного несоответствия) содержания высказывания о предмете с содержанием самого предмета¹. Полагаем, что данное определение универсально и может быть применено при изучении феномена лжи в рамках любой науки, которая ставит себе такую цель.

Ложь, будучи неотделимой от человеческой деятельности в целом и в отдельных сферах, имеет место быть и в праве как регуляторе такой деятельности, хотя и не является правовой категорией. Регулируя отношения между людьми, делая их правовыми, нельзя сказать, что право делает их идеальными, имеющими совершенный, безупречный характер.

¹ См.: Лебедев С. А. Философия науки : словарь основных терминов. М., 2004.

Говоря о феномене лжи в праве, следует отметить, что существующие на этот счет мнения в научной литературе можно разделить на две группы:

- 1) ложь, заложенная в правовой норме (В. М. Баранов);
- 2) ложь в объективной действительности, т.е. в отношениях между людьми, которые могут подлежать правовой оценке (В. М. Сырых, П. В. Копнин, Н. А. Пьянов).

Изучая ложь в рамках первого подхода, специалисты исследуют нормы права сквозь призму морально-нравственных установок, общечеловеческих принципов, в том числе дают оценку на основании критериев истина и ложь.

Следует согласиться с В. М. Сырых, который утверждает, что норма права не может оцениваться в категориях истины и заблуждения. Данные категории применимы лишь в той части правоприменительного акта, который содержит оценку добытых по делу фактических обстоятельств. Кроме того, категории истины и заблуждения мало что дают и для оценки норм права как регуляторов общественных отношений. Не случайно в теории и на практике предпочитают оценивать нормы права с помощью категорий «совершенны – несовершенны», «современны – устарели», «эффективны – неэффективны»².

Изучение лжи как составной части общественных отношений, урегулированных нормами права, представляется более оправданным и логичным, поскольку это явление относится к сугубо субъективной внутренней оценке поведения людей в случаях, когда их отношения становятся правовыми. При таком подходе подлежат изучению правоотношения, которые содержат искажение действительности, а также реакция правовых регуляторов на это. В частности, при производстве по уголовному делу правоохранительные органы нередко сталкиваются с необходимостью оценить те или иные показания, сопоставить их с различными обстоятельствами и оценить добытые знания в категориях «истина» и «ложь», причем не выходя за нормы, установленные уголовно-процессуальным законом. В случаях, предусмотренных законом, заведомое искажение действительности, сообщение ложных сведений могут повлечь за собой меры уголовного и уголовно-процессуального воздействия вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

Действующее законодательство Российской Федерации и других современных развитых стран не содержит правового запрета лжи как таковой. Ложь сама по себе не наказуема, меры юридической ответственности за ложь как таковую не предусмотрены. Если ложь остается за рамками прав и свобод другого лица, то она не видна для правового регулирования и может быть оценена с точки зрения, например, морали, религиозных догм и правил, этикета. В случае, если ложь затрагивает интересы иных лиц, нарушает права и законные интересы других членов общества, она принимает форму противоправного деяния и должна быть сопоставлена,

² Сырых В. М. Логические основания общей теории права : в 2 т. М., 2000. Т. 1 : Элементарный состав. С. 323.

сравнима с нормами действующего законодательства на предмет соответствия им, для того чтобы применить меры порицания, установленные данной нормой. В правовых предписаниях не содержится запрета лжи во имя торжества правды, для установления абсолютной истины, суть правового регулирования в охране иных правовых благ.

Для более четкого понимания природы лжи, ее соотношения с правом, интересно обратить внимание на отношение к ней в Древнем мире, когда еще не было столь явного разделения норм права и морали, когда только формировались первые законодательные акты. В Древнем Риме ложь не была наказуема, однако лжесвидетельство известно с Закона XII Таблиц, а позже наказуемыми стали клевета и ложный донос. По законам Ману от свидетелей требовалось говорить правду, хотя это была больше религиозная норма.

Ложь как таковая была наказуема, пожалуй, только в староацтекском праве, в силу закона Монтесумы I. Кто лгал, карался смертью, женщинам отрезали губы. Существовало очень суровое наказание за лжесвидетельство.

Интересный пример наказуемости лжи нормами права приводит немецкий исследователь начала прошлого века Л. Адам в работе «Ложь в праве»: социально-аристократическому государству инков в старом Перу не было известно наказание за ложь, но каралась неправда, сообщенная должностным лицам, особенно финансовым чиновникам. У коренных жителей Америки любовь к правде вменялась в обязанность, ложь была предосудительной³.

Видимо, на этом этапе развития человеческой цивилизации произошло окончательное разделение морали и как внутреннего регулятора права и, как внешнего регулятора общественных отношений. Ложь или обман стали наказуемыми мерами государственно-правового принуждения только сквозь призму нарушения ими отношений, которые защищены установленными государством нормами. В подтверждение можно привести слова И. Канта, который писал, что правдивость есть долг по отношению к другим, и его аргументация строится на основе положения «лгун разрушает сообщество»⁴.

Таким образом, достаточно очевиден критерий разграничения лжи, наказуемой законодательными актами, и лжи, остающейся в рамках морально-этических ценностей. Как уже отмечалось выше, наиболее ярко это выражено в нормах уголовного и уголовно-процессуального права, что обусловлено характером защищаемых ими отношений. Криминальное дезинформирование предстает перед нами в качестве образа, запрещенного законом, наказуемого в уголовном порядке процесса и способа психологического воздействия на умы, чувства и действия должностных лиц, отдельных граждан или определенных групп населения, направленных на производство заведомо ложной информации и ее реализацию.

³ См.: Адам Л. Ложь в праве // Ложь в праве. Харьков, 1929. С. 21–48.

⁴ Кант И. Лекции по этике. М., 2005. С. 200.

В одних случаях путем распространения, а в других – путем использования в роли средства подготовки совершения преступления (преступлений), противодействия правоохранительным органам для сокрытия преступления и (или) решения других преступных задач⁵. Нередко нормами уголовно-процессуального права бывают урегулированы общественные отношения, которые содержат в себе искажение действительности, несоответствие реальному положению вещей тому, как это представляет кто-либо из участников данного правоотношения.

При исследовании правоотношений, урегулированных нормами уголовно-процессуального законодательства на предмет наличия или отсутствия в них лжи, прежде всего надо обратить внимание на институт доказывания. Пожалуй, это наиболее яркий пример, где задачей стороны является выдать желаемое за действительное, т.е. суть доказывания сводится к тому, чтобы ложь была представлена в виде правды или истины. Правовой или юридический интерес участников процесса, в большей степени стороны защиты, в том, чтобы создать и подкрепить имеющимися доказательствами легенду поведения, которая не всегда в полном объеме может соответствовать действительности в целом или отдельным обстоятельствам совершения преступления, причем акцентировав внимание на тех моментах, которые могут иметь положительное значение, другими словами, применив некоторый арсенал ложных приемов. Функцией же суда является оценка и сопоставление всех фактов и доказательств между собой, исключая какое-либо психоэмоциональное восприятие. Подчеркнем, что у суда в состязательном процессе не стоит задача обличения во лжи обвиняемого, установления объективной истины. Суть судебного разбирательства в том, чтобы сопоставить доводы и контрдоводы сторон между собой и оценить полноту, относимость и допустимость доказательств, на основании чего принять решение о виновности или невиновности.

В инквизиционном или обвинительном процессе использовались такие методы, как присяга или клятва. Прежде чем давать показания, с обвиняемого или свидетеля бралось обязательство говорить исключительно правду. Обличение во лжи или доказательство правоты осуществлялось с помощью средств, которые воздействовали на внутреннее, эмоционально-психологическое состояние человека. Предполагается, что публичное обещание говорить только правду является внутренним морально-психологическим, сдерживающим фактором от дачи заведомо ложных показаний.

Следует отметить, что институт присяги в различных вариациях существует и сегодня, например в уголовно-процессуальном законодательстве США, Великобритании, Норвегии, Финляндии и др. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации аналогом института присяги являются нормы о предупреждении об уго-

⁵ См.: *Образцов В. А., Бертовский Л. В., Бертовская Н. П.* Дезинформирование в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. М., 2010. С. 54.

ловной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ч. 7 ст. 42 УПК РФ) или об отсутствии права давать заведомо ложные показания (п. 2 ч. 6 ст. 56 УПК РФ), функцией которых, кроме прочего, является и психологическое воспрепятствование сообщению заведомо ложных сведений. В настоящее время не существует ни методик, ни исследований, позволяющих оценить эффективность приведенных норм по регулированию предотвращения появления в материалах уголовного дела сведений или информации, не соответствующей объективной действительности, т.е. ложной. Однако полагаем, что и недооценивать их не стоит, поскольку даже формальное предупреждение о необходимости сообщения следствию и суду достоверной информации имеет положительное значение.

В литературе встречается мнение, что в законодательство Российской Федерации необходимо внести изменения, касающиеся такого института, как присяга, чтобы получить законодательный механизм предотвращения совершения преступлений, связанных с предоставлением заведомо ложных сведений⁶. Учитывая достаточно слабое нормативное регулирование уголовно-процессуальных отношений, в которых содержится порок истины, т.е. субъекты которых либо сообщают заведомо ложную информацию, либо вынуждены на нее реагировать в предусмотренном законом порядке, считаем возможным согласиться с данным мнением. При этом необходимо подчеркнуть, что институт присяги требует детального нормативного регулирования, индивидуального для каждого участника уголовного процесса. Отдельного обсуждения требует вопрос о возможности допроса подозреваемого или обвиняемого под присягой, поскольку его процессуальный интерес нередко состоит в том, чтобы наиболее убедительно представить ложь в виде истины и доказать справедливость этих доводов.

Полагаем, что необходимо более детальное и четкое нормативное регулирование уголовно-процессуальных правоотношений, задачей которых является акцентирование внимания на необходимость сообщать суду и следствию только информацию, соответствующую действительности, т.е. правдивую, истинную, в том числе и путем включения в УПК РФ норм о присяге.

Кроме того, в нормах действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации ложь в Уголовно-процессуальном кодексе РФ заложена в виде презумпций и фикций, которые имеются в этом нормативно-правовом акте. Другими словами, регулируя деятельность по расследованию, доказыванию и рассмотрению уголовных дел, законодатель сознательно заложил ситуации, при которых тот или иной факт признается истинным, хотя в действительности это может быть не так.

Одним из столпов, на которых строится уголовный процесс, является презумпция невиновности обвиняемого. Полагаем, что нет необходимо-

⁶ См.: Прокофьев А. В. Уголовная ответственность за предоставление заведомо ложных сведений, препятствующих осуществлению правосудия, по законодательству Норвегии, Швеции, Финляндии и России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2012. № 3. С. 146.

сти останавливаться на важности данного принципа для состязательного процесса в демократическом государстве и обществе. Однако это не исключает того, что в нем заложено не соответствие объективной действительности, т.е. ложь, которая принимается за основу и исходя из которой строятся доводы и их опровержение участниками процесса. Справедливо отмечает Н. Н. Ковтун, что законодатель принципиально не замечает диалектическое указание лжи, отчетливо подчеркивая значение данной презумпции как для распределения бремени доказывания в уголовном процессе, так и для граждан⁷.

Заложенная в Конституции РФ и Уголовно-процессуальном кодексе РФ конструкция предполагает, что задачей стороны обвинения является опровержение предполагаемой ею лжи о невиновности лица и доказательство истины о совершении им преступления. Разумеется, это не означает, что сторона защиты, пользуясь сложившейся ситуацией не должна активно участвовать в процессе, ее задача убедить суд в правдивости своих доводов путем опровержения аргументов обвинения.

При рассмотрении вопросов, касающихся лжи как составной части правоотношений, урегулированных нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ, следует остановить внимание на проблеме объективной истины в уголовном процессе, дискуссии о которой разгораятся с новой силой в связи с инициативой Следственного комитета России внести соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Полагаем, что недопустимо возложение на суд широких следственных полномочий, что, в свою очередь, состязательный процесс превратит в обвинительный, а работу следственных органов сделает формальной и не отвечающей требованиям современного общества.

По мнению Г. Падве, обсуждаемый законопроект можно оценить как попытку отменить понятие презумпции невиновности. Он считает, что она несовместима с принципом отыскания объективной истины: «Презумпция – это изначальное предположение о невиновности человека. Если мы ищем объективную истину, значит, презумпция истине противоречит. Но принцип презумпции невиновности, несомненно, должен оставаться незыблемым»⁸.

Н. П. Ведищев полагает, что закрепленный и сегодня на законодательном уровне принцип состязательности в уголовном процессе, безусловно, способствует установлению истины по уголовному делу. Другое дело, что правоприменителями он не используется в полной мере, а это и приводит к судебным ошибкам⁹.

⁷ См.: Ковтун Н. Н. Презумпции и фикции уголовно-процессуального права России : технология осознанной лжи // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения : «Правовые презумпции, теория, практика, техника». Н. Новгород, 2011. № 4. С. 231–235.

⁸ Цит. по: Анисимов С. В ФПА РФ обсудили объективную истину // Новая адвокатская газета. 2012. Май.

⁹ См.: Ведищев Н. П. Будущее «объективной истины» в современном уголовном судопроизводстве России // Адвокат. 2014. № 6. С. 5–10.

Другим примером, содержащим диссонанс между внутренним пониманием сути вопроса и внешним нормативным регулированием, может служить следующее. По нашему мнению, законодатель, принимая норму о рассмотрении заявления об отводе судьи самим судьей в совещательной комнате (ст. 64–65 УПК РФ), в расчете на то, что заявление будет рассмотрено беспристрастно, объективно и справедливо, не учел психоэмоциональные факторы, которые сопровождают рассмотрение такого заявления. Следовательно, речь не может идти о регулировании этой части уголовного процесса как соответствующей реальной действительности. Данные нормы уголовно-процессуального законодательства имеют в своем содержании порок истины. Полагаем, что вопрос об отводе судьи, исходя из принципа объективности и беспристрастности, а также с целью исключения искажения действительности, необходимо разрешать с председателем суда, в котором рассматривается уголовное дело.

Что касается норм уголовного права, то, как было сказано выше, ложь становится наказуемой в случае, если порожденные ею последствия затрагивают права и законные интересы других лиц. В нормативно-правовых актах при конструировании правовой нормы в гипотезе не всегда прямо указано на наличие лжи в поведении лица, иногда это обстоятельство вытекает при квалификации и доказывании деяния. Состав преступления состоит в нанесении видимого, реального ущерба путем создания или поддержания коварного обмана с целью собственного или чужого обогащения, а также иных дивергентных интересов.

Составы преступлений, содержащиеся в Уголовном кодексе РФ по наличию лжи в правоотношениях можно разделить на две группы. К преступлениям с ярко выраженным наличием лжи можно отнести следующие составы: заведомо ложный донос (ст. 306), заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307), фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305), клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298.1), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207) и др. В основе этих преступлений лежит заведомая ложь или обман как существующая данность, как факт. В нем имеет место быть публичное утверждение или распространение вымышленных или извращенных фактов, сделанных с корыстной или какой-либо еще низменной целью.

Для второй группы характерно то, что действия сами по себе законны, ложь скрыта в конкретных деталях и реальном наполнении этих действий. Например, фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.1), регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170), незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1), незаконное использование документов для образо-

вания (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2), незаконное получение кредита (ст. 176), злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185), фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ст. 185.5) и др.

Как видно из приведенной классификации, обман или ложь могут быть выражены различными деяниями и приобретать разнообразные формы, что, однако, не меняет их сути – несоответствия действительным намерениям совершаемых действий. При расследовании и доказывании такого рода преступлений перед следствием стоит задача не только установить все обстоятельства дела, но и доказать наличие лжи или несоответствия действительности в субъективной стороне состава, что позволяет говорить о специфике расследования таких дел.

Таким образом, хотя ложь и относится к отрицательным, осуждаемым в обществе явлениям и принадлежит, прежде всего, к сфере морально-нравственного регулирования, право в рамках социальной и регулирующей функции не может обойти ее стороной. В связи с этим задачей нормативного регулирования является не только установление оптимального баланса между правом и моралью, но и пресечение наиболее опасных видов лжи, когда обман нарушает права и законные интересы других лиц.

Воронежский государственный университет

Анучина А. И., соискатель кафедры уголовного права

E-mail: anuchina86@mail.ru

Voronezh State University

Anuchina A. I., Post-graduate Student of the Criminal Law Department

E-mail: anuchina86@mail.ru